

БУДЕТ ВЕЧНАЯ МУЗЫКА



— Микаэл Леонович, я понимаю, что картина «Семнадцать мгновений весны» уже много раз обсуждена и, может быть, не нужно к ней возвращаться. Но в вашем творчестве она, видимо, занимает немалое место — ведь такой успех фильма и музыки к нему! А потому хочется узнать, как вы над ней работали?

— Успех — вещь приятная, конечно, но картина не потому занимает особое место. Начиная фильм, вся наша съемочная группа уже имела достаточный кинематографический опыт, но стоило нам вплотную подступить к работе, как выяснилось, что этот опыт ничего не значит. Впрочем, не буду так определенно говорить обо всех остальных, но сам я чувствовал себя именно так. Ибо двенадцатисерийный фильм требовал совершенно особых методов, законных работ. Я давно слеую убеждению, что писать музыку по эпизодам неправильно. Нужно иметь свою музыкальную драматургию, свою концепцию фильма, и только она, будучи наложенной на собственно драматургию фильма, может дать новое качество, только в таком альянсе может родиться удача. А так как здесь было несколько отдельных фильмов, работать в этом принципе было очень сложно. Музыкальная концепция каждой отдельной серии должна была стать кирпичиком в общей концепции картины. Прибавьте к этому еще тот факт, что все сюжеты и эпизоды, повторяющиеся в разное время в разных сериях, для экономии времени снимались сразу, однажды, чтобы уж потом к ним не возвращаться. На музыкальную конструкцию, на ее цельность и стройность это тоже оказывало влияние. В конце концов после множества вариантов определились четыре главные музыкальные темы — тема Родины, дороги, мгновения и тема тревоги (у нас в работе она называлась тема провала).

— А песни?
— Что тут долго рассказывать? Песен было написано восемь, совершенно законченных, отдельно исполненных. В фильм же вошли только две — те, что вы слышали.

— Микаэл Леонович, сейчас в вашем творческом списке уже несколько десятков кинофильмов.

— Пятьдесят два.
— Теперь, когда в титрах нового фильма мы читаем, что музыка написана Таривердиевым, то уже определенно знаем, какая это будет музыка, то есть знаем, что она будет оригинальной, запоминающейся, а главное — органично слитной с фильмом. А ведь композитор идет к созданию своего стиля не быстрым путем. Расскажите, пожалуйста, о своей первой пробе сил в кино.

— Это было давно, я учился на четвертом курсе Института имени Гнесиных. Однажды к нам пришли студенты-дипломники ВГИКа и кинули клич, кто, мол, хочет писать музыку к их фильму. Помню, что была сессия, времени как всегда не хватало, и никто на клич не откликнулся. А я почему-

Кому из любителей музыки незнакомо имя Микаэла Таривердиева? Творчество этого талантливого композитора пользуется огромной популярностью. Широко известны его вокальные циклы на стихи советских поэтов, песни для эстрады и, конечно, музыка к кинофильмам. Свообразие мелодий Таривердиева, необычность композиций сразу обращают на себя внимание.

Микаэл Таривердиев увлечен сочинением музыки с детства. Ему было четырнадцать лет, когда хореографическая студия при Тбилиском академическом театре оперы и балета поставила два его одноактных балета. Затем он приехал в Москву и поступил учиться в музыкально-педагогический Институт имени Гнесиных в класс Арама Хачатуряна...

Сейчас на телевизионных экранах вновь демонстрируется многосерийный телевизионный кинофильм «Семнадцать мгновений весны», музыку к которому, как известно, написал Микаэл Леонович Таривердиев. С этой картины и началась беседа нашего корреспондента С. Сильвестровой с композитором.

то согласился. И действительно написал вполне приемлемую музыку, и наш институтский оркестр ее исполнил для записи.

— А какой это был фильм?

— «Человек за бортом». Его снимали сразу четверо режиссеров — тогда еще никому неизвестных — Курочкин, Абалов, Мелиава и Шенгелая. И песни исполняла тоже никому не известная Людмила Гурченко. После этой удачной пробы, которая навсегда привязала меня к кино, меня пригласили на киностудию имени Горького сделать музыку к фильму «Разгром». Это был уже мой диплом, и я решил, что должен отдать все, что умел и знал о музыке. Так оно и получилось — в фильме были и хор, и капелла, и мужское соло, и женское — словом, все вокальные формы и вариации. Представьте, музыка была воспринята спокойно и дружелюбно, но теперь-то мне видно, как это было громоздко и неумело. Потом я стал писать другому — по эпизодам.

— И этот принцип тоже был отвергнут вами?

— Да, я понял, как неверно и недостаточно лишь выражать эмоциональный настрой эпизода. Скажем, на экране — атака, и ты своей музыкой выражаешь стремительность и порыв. Надо выражать смысл, а картины целиком, то есть целиком строить музыкальную конструкцию. А когда такая конструкция композитору удастся, тогда можно выбирать и форму — использовать ли роуль, вокал или оркестр. То есть музыка должна помогать выражать смысл картины своими средствами, теми, что не может применить ни режиссер, ни актер, ни оператор. Я помню, что начал работать так с фильма

Александра Зархи «Мой младший брат».

— Вероятно, теперь, обладая опытом, вы выбираете и сам сценарий?

— У меня всегда лежит дома несколько сценариев, есть возможность выбора. Но однажды, признаюсь, выбирал так тщательно, что подвел сам себя — не разглядел прекрасного сценария «Мертвого сезона», увидев в нем всего лишь очередной детектив...

— Микаэл Леонович, до сих пор мы говорили лишь о музыке для кино, но ведь вы пишете не только для экрана...

— Как бы я ни любил кино, моей главной любовью остается камерный музыкальный театр, и вокальные циклы — главной музыкальной формой. Я пишу циклы на стихи близких мне по духу поэтов и первый свой цикл посвятит Маяковскому. Затем писал музыку на стихи Светлова, Кирсанова, Мартынова, Вознесенского, Ахмадулиной.

— А как вы относитесь к исполнителям ваших песен, тоже кому-то отдасте предпочтение?

— Мне кажется, вы не совсем правильно поставили вопрос. Если говорить об эстрадных исполнителях, то тут композитор выбирать не может. Когда же я работаю над вокальным циклом, то не считаю его законченным и не отдаю в издательство, пока вместе с исполнителем мы не отработаем каждую фразу и ноту. И вот эти имена я могу назвать — Зара Долуханова, Галина Писаренко, Юрий Гуляев. Сейчас появилось новое имя — Михаил Курбанов.

— А можно узнать у автора, остается ли он доволен своей музыкой. Скажем, песнями?

— Видите ли, у меня в работе получается как бы

три этапа. Сначала все, что ни напишу, кажется мне великолепным, прекрасным. Потом проигрываю это спустя месяц — и все мне кажется отвратительным, никуда не годным. Когда я был помоложе, то рвал ноты в сердцах. Теперь же научился откладывать суд еще на месяц-два, а потом уже трезво разбирать, что получилось, а что следует отставить.

— Вот здесь мы, кажется, подошли к проблеме, которая горячо обсуждается последние годы. К проблеме тщательного отбора того, что проникает в массы слушателей, в частности я говорю об эстрадной и песенной музыке. Что вы скажете об этом?

— Думаю, проблема формирования общественного вкуса должна волновать каждого художника, в какой бы области он ни творил. Ибо в наше время в силу огромного влияния средств информации взаимоотношения художника с массами сильно изменились. Изменились настолько, что мы, авторы, иной раз оказываемся неподготовленными. Вспомним для сравнения, как искусство прошлых времен влияло на массы. Произведения литературы, музыки, поэзии отшлифовывались, отфильтровывались временем — и в памяти оставались действительно лучшие из них. Современный же темп жизни сжат, время гонит и торопит нас, а средства информации в один миг распространяют то, что едва вышло из-под пера художника. Отшлифовано оно или нет, удачно или дурно написано, но стоит такому произведению попасть в эфир, на пластинку или в сборник стихов — оно становится достоянием миллионов слушателей и читателей. Вот и выходит, что в пер-

вую очередь за уровень вкуса слушателей отвечает автор, написавший пустое, бессмысленное стихотворение или примитивную музыку. Подчеркну еще одну любопытную деталь. Так называемая «серьезная музыка» — я бы взял эти слова в кавычки, ибо считаю, что несерьезной музыки вообще не существует, — так вот, «серьезная музыка» обычно создается долго и тщательно, а ведь она охватывает куда менее широкого слушателя. Тогда как эстрадную песню — то есть самый массовый и любимый публикой жанр — обычно делают легко и с поразительной быстротой.

— Какое же, на ваш взгляд, должно быть решение вопроса, хотя бы частичное?

— Помогать должны многочисленные фильтры: издательства, редакторы, компетентные комиссии. И еще — конкурсы. Чем больше устраивается открытых конкурсов, тем лучше. Происходят же в футболе отборочные игры, почему же нет такого отбора в мире песенного творчества? Даже на международные конкурсы наши песни порой идут без предварительного обсуждения. В частности, как моя песня «Будет музыка» попала на фестиваль в Сопот? Разве был какой-то конкурс? Нет. Просто утвердили исполнительницей Гюлли Чохели, и она обратилась — в частном порядке — ко мне, нет ли чего-нибудь новенького?

— Микаэл Леонович, передача «Молодые голоса», которую вы ведете на Центральном телевидении, тоже ведь имеет ту же цель — пропаганду лучших песен?

— Совершенно верно. Мы ищем молодые таланты, это верно, но еще в большей степени заботимся о том, как реагируют наши слушатели, как относятся они к песням, исполняемым у нас. Мы стремимся научить, что нужно ценить в песне, какую манеру исполнения, то есть в конечном счете стараемся оказать влияние на формирование вкуса к хорошей советской песне.

— Ни одно интервью с художником не обходится без этого вопроса. Скажите, Микаэл Леонович, что вы пишете сейчас и что мечтаете написать?

— В прошлом году я закончил вокальный лирический цикл на стихи Евтушенко. Я говорю о прошлой работе, потому что только сейчас, когда она прошла, на мой авторский взгляд, проверку временем, я решаюсь ее отдать в издательство.

— А кино?

— После «Семнадцати мгновений...» я дал себе клятву никогда больше не работать в многосерийном фильме, и вот пять дней назад я эту клятву нарушил... Подписал контракт. В картине будет семь серий. Не буду о ней рассказывать, скажу лишь, что режиссер картины — Александр Прошкин, сценарий написан Радзинским, а главную роль будет играть Дороница. Вы спросили еще, о чем я мечтаю. Мечтаю об опере, обязательно напишу современную оперу.